

Научная статья
УДК 343.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-124-130

Эльвира Андреевна Власенкова
<https://orcid.org/0009-0006-6793-6577>, eshavorova@yandex.ru

Управление ОД УУП и ПДН УМВД России по Калининградской области
Российская Федерация, 236018, Калининград, ул. Нахимова, д. 21

Классификация видов преступных деяний, образующих неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего

Аннотация. Введение: на современном этапе развития уголовно-правовой науки в трудах учёных и в источниках правоприменительного характера встречаются факты неоднородного применения понятий «виды», «формы» и «способы» применительно к событиям преступлений и в процессе описания соответствующих преступных деяний. Подобная практика нередко приводит к смешению смежных категорий и подмене понятий, существенно осложняя процедуру квалификации преступлений и затрудняя установление фактической степени и характера их общественной опасности. Не являются исключением и преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ. В связи с этим необходимо исследовательским путем сформулировать научно обоснованные выводы, что позволило бы разрешить описываемую проблемную ситуацию.

Методы исследования: проведение авторского масштабного обобщения материалов следственной и судебной практики по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединённом с жестоким обращением; анализ положений действующего законодательства, сопоставление полученных эмпирических данных.

Результаты: обозначены формы совершения преступлений, предусмотренных статьей 156 УК РФ; представлена авторская классификация видов деяний в рамках каждой из форм; обосновано утверждение о том, что конкретный вид совершаемых деяний является основным критерием общественной опасности рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: активное действие, бездействие, воспитание, жестокость, неисполнение обязанностей, несовершеннолетний, общественная опасность, преступление, форма

Для цитирования: Власенкова Э. А. Классификация видов преступных деяний, образующих неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2 (98). – С. 124–130; doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-124-130.

Elvira A. Vlasenkova
<https://orcid.org/0009-0006-6793-6577>, eshavorova@yandex.ru

Department for the Organization of Activities of District Police Commissioners and Juvenile Affairs Units
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kaliningrad Region
21, Nahimova str., Kaliningrad, 236018, Russian Federation

Classification of the types of criminal acts constituting non-fulfillment of the responsibilities for the upbringing of a minor

Annotation. Introduction: at the present stage of the development of criminal law science in the works of the scientists and in law enforcement sources, there are facts of mixing the concepts of «types», «forms» and «methods» in relation to the events of crimes and in the process of describing the corresponding criminal acts. This practice often leads to confusion of related categories and substitution of concepts, significantly complicating the procedure for the qualification of crimes and making it difficult to establish the actual degree and nature of their public danger. The crimes provided for in Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation are no exception. In this connection, it is necessary to formulate and substantiate scientifically based conclusions allowing to resolve the described problem situation.

Research methods: carrying out the author's large-scale generalisation of materials of investigative and judicial practice in cases of non-fulfillment of duties for the upbringing of minors connected with abuse; analysis of the provisions of the current legislation, comparison of the empirical data obtained.

Results: the forms of committing crimes provided by article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation are indicated; the author's classification of the types of acts within each of the forms is presented; the statement that the specific type of committed acts is the main criterion of public danger of the crimes under consideration is substantiated.

Keywords: active action, inaction, upbringing, cruelty, non-fulfillment of responsibilities, minor, public danger, crime, form

For citation: Vlasenkova E. A. Classification of types of criminal acts that constitute non-fulfillment of duties for the upbringing of a minor // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2 (98). – P. 124–130; doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-124-130.

Введение

В соответствии с общепринятой теоретической парадигмой, определяющей понимание преступления и форм преступных деяний, образующих его событие, в науке уголовного права достигнуто относительное единство мнений и взглядов. В ч. 1 ст. 14 УК РФ дано формальное определение преступления: «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние...», а в ч. 2 данной статьи указывается: «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, но...». Таким образом, ч. 2 конкретизирует положения ч. 1, определяя, что преступное деяние на практике может быть реализовано в двух формах – действия и бездействия. Данное умозаключение совпадает и с классической позицией, сформированной ранее в науке уголовного права и поддерживаемой в настоящее время в части понимания форм преступных действий [5, с. 23; 7, с. 65; 8, с. 187; 9, с. 58]. Так, Н. С. Таганцев писал, что для охраны одних общественных отношений, прав либо законных интересов законодатель исходит из принципа «не вреди» (не совершай активный действий, не предпринимай, не действуй), в то время как для охраны других правоотношений указанным принципом руководствоваться нельзя: «Необходимо содействие, помощь, вмешательство». В таких случаях законодатель определяет преступное деяние как бездействие, приведшее к негативным последствиям и общественно-опасному результату¹.

Примечательно рассуждение Т. Н. Нагаевой о важности отличий между понятиями формы и видов преступлений, поскольку терминология, применяемая в структуре Уголовного кодекса РФ, может вносить неопределённость. Например, в названиях отдельных статей содержатся лексические конструкции, формально указывающие на бездействие: неисполнение, уклонение, оставление, неоказание помощи. Но внутреннее содержание данной нормы при этом может указывать на возможность совершения действий,

образующих событие преступления, в активной форме. Автор полагает, что «применительно к характеристике юридического значения (формы) конкретного преступления, использование подобного стилистического приёма не всегда является оправданным и ведёт к подмене понятий, что нередко является причиной противоречивых решений отдельных доктринальных вопросов и непрекращающихся научных споров. ... Но в то же время ясно, что не вид, а юридическая форма определяет уголовно-правовую сущность преступного деяния» [10, с. 294–295].

Не является исключением и ст. 156 Уголовного кодекса РФ, устанавливающая ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, в диспозиции которой определяющее значение имеет формулировка «если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним», что определяет не только широкую вариативность возможных действий субъектов преступления, но и указывает на их важную сущностную характеристику – жестокость [4, с. 38–39; 6, с. 99]. Обращает на себя внимание используемая в норме лексическая конструкция «если деяние соединено», указывающая на необходимость одновременного выполнения двух фактических требований: неисполнения обязанностей по воспитанию и жестокого отношения, применяемого к несовершеннолетнему [2, с. 166; 13, с. 141]. Указанное обстоятельство актуализирует возможность широкой вариативности преступного поведения субъектов преступления и одновременно свидетельствует о невозможности рассмотрения в формате ст. 156 УК РФ категорий жестокости и неисполнения обязанностей по воспитанию в отрыве друг от друга [3, с. 161; 12, с. 21; 14, с. 137]. В связи с этим мы разделяем позицию С. В. Яровой, которая считает, что термин «неисполнение» означает не только формальный недосмотр за ребёнком, но и сознательное пренебрежение его потребностями, создание некомфортных для него условий. Таким образом, субъекты преступления могут и не избегать своих обязанностей, а выбирают такие методики воспитания, которые способны нанести несовершеннолетнему ещё больший вред, чем просто равнодушие и игнорирование

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. – Т. 1. – Тула: Автограф, 2001. – С. 127–128.

его личности либо пренебрежение его потребностями [15, с. 62].

Методы

Исследование проводилось автором в инициативном порядке путём обобщения, систематизации и анализа материалов следственной и судебной практики по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединённом с жестоким обращением (всего изучено 226 уголовных дел, возбуждённых, расследованных и рассмотренных судами в период с 2014 по 2023 гг.), а также методом соотнесения выявленных особенностей и обстоятельств с положениями действующего законодательства. Практические примеры, представляющие наибольший научный интерес, приведены в тексте.

Обсуждение

Рассмотрим примеры из практики, наглядно иллюстрирующие формулируемые далее авторские выводы.

Н., будучи матерью троих несовершеннолетних детей, начала сожительствовать с Т., который придерживался строгих религиозных взглядов и выполнял все православные обряды в полном соответствии с церковными канонами. В дальнейшем Т. потребовал от Н. и её детей такого же строгого следования традициям и правилам. После неоднократного обращения соседей в органы опеки и проведённой проверки, в отношении Н. было возбуждено уголовное дело по ст. 156 УК РФ. В ходе расследования установлено, что Н., поддавшись идеологическим воззрениям Т., требовала от детей строгого соблюдения всех постов, лишала их необходимого времени на сон ради совершения молитв, заставляла нырять в прорубь на православный праздник Крещения Господня. После завершения обряда мать не реагировала на факты высокой температуры у детей. Соседи, допрошенные в качестве свидетелей, пояснили, что дети неоднократно приходили к ним обедать, рассказывали, что мама с отцом кормят их в посты только растительной пищей, из-за чего у них не хватает сил на полноценную учёбу, посещение тренировок и дополнительных занятий. После прибытия сотрудников опеки для проведения проверки по фактам, изложенным соседями, несовершеннолетние П., С. и Т. были обнаружены в тяжёлом состоянии. Врачи вызванной бригады скорой медицинской помощи зафиксировали фебрильные значения температуры тела (38–39 градусов Цельсия) у всех детей и направили их для обследования и лечения в стационар. В результате обследования П. и Т. был поставлен диагноз «острый ринотонзилит, бронхит в стадии очагового глубокого поражения», а С. – «острый цистит, пиелонефрит», а также отмечен общий дефицит массы тела у всех несовершеннолетних, лабораторно были подтверждены признаки железодефицитной анемии. Сами потерпевшие указывали, что это было их третье крещенское купание. Каждый раз наступали по-

хожие последствия, но их мать действий по лечению не предпринимала, заставляла детей посещать школу. Учителя, наблюдая их состояние, отправляли их к школьному медработнику, где им давали жаропонижающие препараты. Профилактические беседы педагогов с Н. видимых результатов не давали. При этом сама Н. поясняла, что руководствовалась интересами детей, хотела привить им уважение к порядку, дисциплине и укрепить их здоровье².

Другой похожий случай. В., педагог школы-интерната для одарённых детей, был привлечён к уголовной ответственности по фактам жестокого обращения с воспитанником Ж., который обучался в указанном интернате с августа 2016-го по апрель 2019 года в формате пансионного пребывания. В., являясь педагогом-наставником, руководил его обучением игре на скрипке и флейте в полной уверенности, что Ж. имеет исключительный музыкальный талант, но сознательно не стремится его развивать. Во время обучения и проживания несовершеннолетнего в школе-интернате В. применял к нему жестокие методы воспитания: запирали в учебном классе на ночь, заставлял непрерывно играть на музыкальных инструментах в течение 5–6 часов, отпускал на обед и ужин только при условии выполнения поставленных задач, публично унижал Ж. в присутствии сверстников и других педагогов, угрожал отсутствием выходных и каникул в случае невыполнения требований. При этом у Ж. выходными были только вторая половина субботы и воскресенье, в это время он мог уезжать домой. Но дома его мать Т. нередко заявляла, что из телефонных разговоров с В. ей известно о плохой успеваемости сына и требовала продолжать занятия и дома, лишая его личного времени и времени на отдых. Также она допускала высказывания о никчемности и лени Ж., угрожала не пустить его в следующий раз домой. 4 апреля 2019 г. Ж. был доставлен в психоневрологический стационар краевой больницы в состоянии реактивного психоза³.

В описанных примерах лица, ответственные за воспитание несовершеннолетних, не уклоняются от своих обязанностей, а, напротив – в активных формах совершают действия, содержащие признаки жестокости, подкрепляя выбор данной тактики воспитания внутренним убеждением о пользе для несовершеннолетних и о получении результата полезного как для общества, так и для самих потерпевших. Но согласно результатам обобщения практики, нередко случаи неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в активной форме, но со значительным отличием в эмоционально-интеллектуальном компоненте, определяющем выбор подобной стратегии воспитания несовершеннолетних [1, с. 70; 11, с. 145]. В под-

² Материалы уголовного дела № 1-356/2017 // Архив мирового суда судебного участка № 5 г. Вологды за 2017 год.

³ Материалы уголовного дела № 1-1031/2019 // Архив мирового суда судебного участка № 12 Индустриального района г. Хабаровска за 2019 год.

тверждение можно привести следующий практический пример.

В ходе судебного рассмотрения уголовного дела было установлено, что С., являясь отцом несовершеннолетней А. 18.06.2011 г.р., на протяжении длительного времени применял в отношении дочери телесные наказания за незначительные факты непослушания либо без таковых (бил брючным ремнем по бедрам, ягодицам и ногам, шлепал руками по различным частям тела, давал пощечины и подзатыльники). Кроме того, С. часто выражался в адрес дочери нецензурно, оскорблял ее словесно, унижал её человеческое достоинство, сравнивая её с животными и насекомыми. 25.11.2021 г. в период времени с 01.00 до 01.30 зашел в комнату, где спала А., просунул руку под её одеяло и, сжимая её ягодицы, используя беспомощное состояние несовершеннолетней и невозможность оказания ей сопротивления, начал демонстративно мастурбировать. Находившейся при этом здесь же Г. (его жене и матери его дочери) он приказал молчать и не вмешиваться под угрозой физической расправы. Кроме того, 07.12.2021 г. С. в присутствии А. угрожал убийством Г., держа в руке занесенный над ней кухонный нож и выкрикивая угрозы. При этом и А., и Г. воспринимали данную угрозу как реальную, поскольку Г. находился в агрессивном состоянии, превосходил их по физической силе и подкреплял свои угрозы фактическими действиями. Позднее С. пояснил, что он был убеждён, что если А. его дочь, то обязана его слушаться и подчиняться⁴.

Анализ изложенного и сравнение обстоятельств данного преступления и рассмотренных ранее, даёт возможность отчетливо видеть разницу в эмоционально-интеллектуальном компоненте субъектов преступления. Если в первых двух случаях лица в активной форме реализовывали неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединенное с жестоким обращением, руководствуясь твердым субъективным убеждением о достижении социально полезного результата, то в последнем примере, несмотря на совершение преступных действий также в активной форме, данный мотив полностью отсутствовал. Но объединяющим эмоционально-психологическим признаком, в том числе определяющим выбор активной формы преступных действий, является общая убежденность субъектов в необходимости полного подчинения несовершеннолетних их воле, воспитательной стратегии и желаниям.

Относительно преступного бездействия в формате ст. 156 УК РФ наблюдается существенное различие именно в субъективной эмоционально-психологической обусловленности происходящего в рамках действий виновных лиц.

Следствием было установлено, что Е. безразлично относится к исполнению своих обязанностей по воспитанию детей и жестоко

обращается с ними, не создаёт условий для полноценного развития детей формирования их личности, не осуществляет надлежащий уход за детьми. В то время, когда Е. находится в состоянии алкогольного опьянения, дети лишены возможности регулярно принимать пищу, развиваться и отдыхать, а также постоянно пребывают в окружении посторонних людей. Также Е. продолжительное время не заботилась об образовании своей малолетней дочери Г., 21.09.2013 г.р., а именно не воспользовалась правом общедоступного дошкольного образования, а также не оформила ребенка в общеобразовательное учреждение в 2021 году. Учитывая, что Г. достигла возраста полных 8 лет, базовыми дошкольными знаниями она не обладает. Также, согласно заключению ПМПК от 26.04.2021 г. у сына В. 26.11.2010 г.р., установлена: «Вар-1 ОВЗ умственная отсталость (интеллектуальные нарушения)», и дальнейшее обучение В. должно быть продолжено в ГБОУ Уфимская коррекционная школа-интернат № 63, либо на домашнем обучении по адаптированной программе, учитывая, что общеобразовательная программа представляет для него трудности.

Допрошенные в качестве свидетелей медики пояснили, что, являясь участковыми врачами, наблюдали детей с рождения. Оба ребёнка родились с диагнозом «задержка внутриутробного развития, перинатальная гипотрофия», обусловленным злоупотреблением матерью алкоголем и наркотиками в период беременности. Мать на учёте по беременности не состояла, пренатального обследования не проходила. После рождения детей рекомендаций специалистов не выполняла, назначенных препаратов не приобретала и не давала их детям, специалистов не посещала⁵.

Анализируя приведённый пример, можно наблюдать, что данная линия поведения матери была выбрана ею изначально (даже не с момента их рождения, а на этапе беременности). При этом данная воспитательно-поведенческая стратегия родителя идентична по отношению к обоим детям, что характеризует общее безразличное и равнодушное отношение лица, ответственного за их воспитание, к выполнению родительских обязанностей.

Согласно результатам обобщения практики, такое отношение обусловлено двумя основными причинами: 1) воспитанием самих родителей в аналогичных условиях, уверенностью в их допустимости и достаточности, отсутствием представлений о возможности и важности создания более комфортных условий для своих детей; 2) сфокусированностью родителей на иных, более важных для них приоритетах, в том числе негативного и асоциального свойства (на фоне злоупотребления алкоголем и наркотиками, стремления устроить личную жизнь, чрезмерной занятости на работе).

⁴ Материалы уголовного дела № 1-39/2022 // Архив Тамалинского районного суда Пензенской области за 2022 год.

⁵ Материалы уголовного дела № 1-13/2022 // Архив мирового суда судебного участка № 10 по Калининскому району г. Уфы Республики Башкортостан за 2022 год.

В практике нередко встречаются случаи, когда родители фактически допускают жестокое обращение с несовершеннолетними, при этом создавая для них внешне комфортные условия.

С. самостоятельно занимался воспитанием своей дочери А. 18.01.2008 г.р., о фактах жестокого обращения с которой стало известно в результате неоднократных сообщений А. в адрес школьного педагога-психолога о планируемых ею попытках суицида. В результате проведённой проверки было установлено, что жена С. (мать А.) умерла через два дня после рождения их дочери в результате развившегося постродового осложнения. С. очень переживал потерю супруги и винил в произошедшем новорожденную дочь, но под давлением родственников был вынужден растить и воспитывать ее самостоятельно. При этом родственники как с его стороны, так и со стороны его покойной супруги оказывали ему помощь и поддержку в воспитании А., но он так и не смог проникнуться к дочери отцовскими чувствами и продолжал винить А. в произошедшем, словесно вымещая на ней связанные с этим негативные чувства. В ходе расследования А. поясняла, что материально она ни в чём не нуждалась, у её отца был стабильный и хороший материальный доход. Бабушки также заботились о её развитии, организуя внеурочное время и занятия в секциях. Однако при этом С. всегда относился к ней отстранённо, чувств любви не проявлял, его поддержки и одобрения она не чувствовала. В общении с ней он ограничивался односложными фразами и формальными действиями, всегда был холоден, интересов к её делам не проявлял. Из разговоров С. с родственниками и друзьями А. неоднократно удавалось услышать, что «если бы не она, ничего бы не произошло». На этом фоне А. испытывала чувства вины, ненужности, а также понимала, что именно из-за неё отец остался один и глубоко несчастен. При этом сам С. на соответствующие вопросы дочери не отвечал, на стремления сблизиться с ним не реагировал.

Не зная, как далее противостоять сложившейся ситуации, А., ведомая чувством безысходности, спланировала попытку суицида путём принятия таблеток, собираемых незаметно от бабушки, когда девочка находилась у неё в гостях. Она слышала, что бабушка на постоянной основе принимает препараты от ишемической болезни сердца и гипертонии, а в сети интернет прочитала, что разовое употребление большой дозы данных препаратов способно вызвать остановку сердца. Эту информацию А. сама сообщила школьному педагогу-психологу, поскольку специалист встревожил результаты ее тестирования на предмет диагностики тревожных состояний, регулярно проводимого в образовательной организации. В ходе расследования С. сообщил, что о намерениях дочери ему было неизвестно, а своё отношение к ней он не считает жестоким, поскольку его дочь ни в чём не нуждалась, а насильно любить её он может и не обязан.

Этот пример отчётливо показывает специфику неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединённого с жестоким обращением, в виде необязательности его совершения исключительно при наличии умысла (прямого либо косвенного). Кроме того, форма вины не находится в непосредственной взаимосвязи с формой совершения преступных действий в формате рассматриваемого преступного деяния, а определяется субъективным отношением лица, ответственного за воспитание несовершеннолетнего, к своим обязанностям. Она также зависит от особенностей эмоционально-интеллектуального компонента в структуре личности субъектов преступления, отражающих их отношение к процессу воспитания в целом и к личности потерпевшего в частности.

Результаты и выводы

Обобщая вышеизложенное, руководствуясь результатами анализа материалов практики, можно сформулировать следующий вывод: неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего возможно как в форме активных действий, так и в форме бездействия. При этом основным критерием общественной опасности рассматриваемых преступлений в рамках формы их совершения является конкретный вид совершаемых деяний:

- 1) в активной форме:
  - физические действия повреждающего характера (побои, шлепки, пощечины, подзатыльники, телесные наказания);
  - действия, направленные на ограничение потребностей несовершеннолетнего (лишение пищи, сна и отдыха, личного времени и пр.);
  - действия, направленные на принуждение несовершеннолетнего к совершению или выполнению определённых действий (принуждение к выполнению ритуалов, обрядов; принуждение к выбору форм и видов деятельности, направлений подготовки и обучения, принуждение к действиям сексуального характера и пр.);
  - действия, направленные на запугивание несовершеннолетнего (запирание в замкнутом помещении, демонстрация оружия, инсценировка действий и пр.);
  - вербальные действия (оскорбления, высказывание уничижительных сравнений, угрозы и пр.);
- 2) в пассивной форме:
  - игнорирование потребностей несовершеннолетнего;
  - невыполнение имеющихся предписаний, направленных на восстановление либо поддержание здоровья несовершеннолетнего;
  - непринятие мер по предотвращению вреда, причиняемого физическому либо психологическому благополучию несовершеннолетнего;
  - оставление несовершеннолетнего без присмотра.

Заключение

Предложенная автором классификация вида действий, совершаемых в рамках активной

либо пассивной форм неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, отражает разность в степени и характере общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ в зависимости от формы их совершения, а также указывает на разность индивидуального ценностно-личностного от-

ношения субъектов данных преступлений к обязанностям по воспитанию несовершеннолетних, что в совокупности должно учитываться при квалификации рассматриваемых преступлений и уголовно-правовой оценке содеянного, и как следствие – при назначении наказания виновному лицу.

Список литературы

1. Богатова Е. В., Западнова Ю. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы квалификации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 69–74.
2. Власенко Н. А. Логико-языковые требования к юридическим конструкциям // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 164–167.
3. Гуль Н. В. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 159–163.
4. Джинджолия Р. С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности : монография. – Москва: Юнити-Дана, 2004. – 189 с.
5. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1948 (Москва). – 312 с.
6. Кадырова Н. Н. Уголовно-правовая оценка жестокого обращения с детьми в семье // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». – 2009. – № 15 (153). – Вып. 19. – С. 98–101.
7. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика : монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 326 с.
8. Майстренко Г. А. Понятие и признаки преступления по российскому уголовному законодательству // Образование и право. – 2017. – № 10. – С. 183–192.
9. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении : монография – Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. – 136 с.
10. Нагаева Т. И. Формы и виды преступного деяния // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 3. – С. 291–296.
11. Нагорная И. И. Жестокое обращение с ребёнком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 142–154.
12. Нарожная О. В. Особенности квалификации преступлений в отношении семьи и несовершеннолетних по действующему Уголовному кодексу РФ // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 20–22.
13. Пухтий Е. Е. К вопросу о языке главы 20 Уголовного кодекса РФ // Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе: сборник научных статей. – Ярославль, 2004. – С. 134–144.
14. Скворцова О. В., Нестеренко А. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: вопросы регламентации, квалификации, совершенствования положений действующего уголовного законодательства, обзор судебной практики // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 4. – Т. 6 (72). – С. 130–140.
15. Яровая С. В. Уголовно-правовой анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних : монография. – Саратов: Сателлит, 2009. – 123 с.

References

1. Bogatova Ye. V., Zapadnova Yu. A. Neispolneniye obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego: problemy kvalifikatsii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 2. – S. 69–74.
2. Vlasenko N. A. Logiko-yazykovyye trebovaniya k yuridicheskim konstruktsiyam // Yuridicheskaya tekhnika. – 2013. – № 7 (ch. 2). – S. 164–167.
3. Gul' N. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolneniye obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2005. – № 3. – S. 159–163.
4. Dzhindzholiya R. S. Unifikatsiya otsenochnykh priznakov pri kvalifikatsii prestupleniy protiv lichnosti : monografiya. – Moskva: Yuniti-Dana, 2004. – 189 s.
5. Durmanov N. D. Ponyatiye prestupleniya. – Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948 (Moskva). – 312 s.
6. Kadyrova N. N. Ugolovno-pravovaya otsenka zhestokogo obrashcheniya s det'mi v sem'ye // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2009. – № 15 (153). – Vyp. 19. – S. 98–101.
7. Korobeyev A. I. Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika : monografiya. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1987. – 326 s.
8. Maystrenko G. A. Ponyatiye i priznaki prestupleniya po rossiyskomu ugolovnomu zakonodatel'stvu // Obrazovaniye i pravo. – 2017. – № 10. – S. 183–192.

9. *Martsev A. I.* Obshchiye voprosy ucheniya o prestuplenii : monografiya – Omsk: Omskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 136 s.
10. *Nagayeva T. I.* Formy i vidy prestupnogo deyaniya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2008. – № 3. – S. 291–296.
11. *Nagornaya I. I.* Zhestokoye obrashcheniye s rebonkom kak otsenochnoye ugodovno-pravovoye ponyatiye // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2017. – № 2. – S. 142–154.
12. *Narozhnyaya O. V.* Osobennosti kvalifikatsii prestupleniy v otnoshenii sem'i i nesovershennoletnikh po deystvuyushchemu Ugodovnomu kodeksu RF // Rossiyskiy sledovatel'. – 2008. – № 20. – S. 20–22.
13. *Pukhtiy Ye. Ye.* K voprosu o yazyke glavy 20 Ugodovnogo kodeksa RF // Aktual'nyye voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki v ugodovnom prave i protsesse: sbornik nauchnykh statey. – Yaroslavl', 2004. – S. 134–144.
14. *Skvortsova O. V., Nesterenko A. A.* Neispolneniye obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego: voprosy reglamentatsii, kvalifikatsii, sovershenstvovaniya polozheniy deystvuyushchego ugodovnogo zakonodatel'stva, obzor sudebnoy praktiki // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2020. – № 4. – T. 6 (72). – S. 130–140.
15. *Yarovaya S. V.* Ugodovno-pravovoy analiz neispolneniya obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnikh : monografiya. – Saratov: Satellit, 2009. – 123 s.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 27.06.2023.

The article was submitted August 18, 2022; approved after reviewing May 17, 2023; accepted for publication June 27, 2023.